

ОТКРЫТЫЙ ОТВЕТ

на «Открытое письмо читателей альманаха “Амур-2009” к его редакции»

Часть 1. Разъяснительная

29 июня 2010 года к нам в редакцию пришло письмо от читателей «Амура». Надо признаться, не каждый день получаешь письма, в которых тебя соотносят с малолетними дебилами («такими поступками могут восторгаться только малолетние дебилы, но никак не учителя будущих учителей»), упрекают во внутренней пустоте («ибо за слишком мудрёными словами и словесной шелухой чаще всего обнаруживается не ученость, а пустота»), в прививании будущим учителям идей фашизма («Идеология скинхедов <...> процветает не только в Германии <...>, но и у нас в Приамурье <...> зачем восторгаться этим плевок в душу ветеранов и прививать подобные идеи будущим учителям?») и, наконец, укоряют в нетребовательности, в том, что ты осмелился опубликовать «бред сивой кобылы».

Из-за чего, собственно, сыр-бор? Из-за стихотворения молодого поэта Ивана Черника «Человек в потёртой джинсе...» Подписавшиеся под письмом читатели сочли себя оскорблёнными и потребовали расшифровать им смысл стихотворения «общепринятым разговорным русским языком без прикрытия фиговыми листочками научных терминов». Что ж, желание читателя – закон, а посему приступим.

Вот оно, это стихотворение:

Человек в потёртой джинсе
вошёл в церковь «Новое поколение».
Пока вопили и дёргались все,
он совершил обряд оголения.
То есть расстегнул ремень и показывал ягодицы,
приспустив и джинсу, и подштанники;
сказал, что тоже раболепно радуется.
Потом подбежали охранники...
Бросив изучать Евангелие от Луки,
просветляли рассмелевшие прихожане,
но их голоса и их каблуки
ему лишь отчасти затрудняли ржание.
Они не унимались, кричали «подонок!»,
что «сатана объявился в храме господнем»...
Парень смог уползти – грязен, весел и тонок,
с запутавшимся в левой ноге исподнем.
Пожертвовал помидор в ведро для денег
в знак, что разделяет здешние взгляды,
и тихо уполз в свои владения
сидеть перед зеркалом, швы накладывать.
Ведь был добросовестно подран,
на завтра сказалось вчерашнее.
На людях выглядел бодро,
но, когда рассмеётся, кашлял.
Разжевав таблетки горькие,
в раны тёр одеколон.
Улыбался Вася Тёркин,
это был, конечно, он!

Авторов письма оскорбил герой стихотворения, пришедший в церковь «Новое поколение» и, пока «вопили и дёргались все», совершивший обряд оголения и при этом посмеявшийся присвоить себе имя любимого народного героя Васи Тёркина. Читатели якобы не увидели (и не могут увидеть!) в этом ничего больше, кроме изображения психически ненормального человека, оголяющего на публике свои интимные места.

Что же можно сказать на это? Очень жаль! Потому что каждый видит то, что он видит, точнее, может видеть в силу своей (как говорят в народе) распушенности (вы же хотели общепринятого разговорного языка!), в силу своей интеллектуальной и культурной подготовленности. Как мы говорим студентам на занятиях по литературе: «Если произведение непонятно, это ещё не значит, что автор глуп, может быть, проблема в самом тебе: чего-то ты ещё не знаешь, не понимаешь, не хватает какого-то звена в цепи, не хватает кода». В нашем конкретном случае авторам письма непонятно, почему герой ведёт себя именно так, а не иначе (ведь острую реакцию нетрудно предвидеть) и зачем, в конце концов, это нужно автору. Первое объяснение, пришедшее в голову неискущённому читателю, – глумление, желание оскорбить ценности и чувства общественности. Но нельзя же априори так плохо думать о людях!!! Почему бы не озаботиться поиском другого объяснения?!

А оно есть. И найти его можно и нужно – в народной карнавальной культуре. Очевидно, это-то как раз и непонятно и нуждается в особом разъяснении.

Герой Черника – юродивый, и поступок его – оголение в церкви – поступок юродивого. Это древний институт русской общественной жизни, сопоставимый с институтом (простите уж за учёные слова) европейских шутов. Шут лечит пороки смехом, а юродивый провоцирует людей, которые для него, прежде всего, зрители, к возмущению, смеху и к слезам.

Юродство на Руси всегда было душеспасительным, именно поэтому юродивые были неприкосновенны. Только юродивый мог предъявить грозному царю обвинение в убийстве и не быть наказанным за это. На людях он надевает личину безумия, «глумится» как скomorох. Всякое людное место становится для него сценической площадкой. Сборища притягивают юродивого, и он одинаково «шалует» и в кабаке, и в монастыре. Так, например, описывает действия юродивого Фёдора в Чудовом монастыре протопоп Аввакум в своём житии: «Он же, покойник-свет, в хлебнее той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на полу и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулись» (поясним, на всякий случай, что чернцы – это монахи, а пример взят из книги академиков Д.С. Лихачёва и А.Н. Панченко о смехе в Древней Руси – простите, Бога ради, что апеллируем к научным светилам).

Почему это происходило и происходит в церкви? Кстати, на месте церкви «Новое поколение» в стихотворении могло оказаться любое другое учреждение, в котором обрядность, ритуал и вообще форма вытеснили и подменили собою суть. Вспомните не так давно вышедший на экраны и вызвавший живой интерес у зрителей фильм «Остров». Юродивый герой ведёт себя неадекватно: стоит спиной к иконе, кукарекает в храме, сжигает архиерейские сапоги, приговаривая, что именно на голенищах архиерейских сапог больше всего бесов гнездится и т.д. Дело в том, что от многократного повторения «вечные истины», на которых покоится обряд, тускнеют, затираются и, в конце концов, перестают восприниматься, превращаясь в рутину. Юродство, вызывая огонь страстей на себя, противостоит рутине. Снимая «костюмчик» со своего тела, он снимает хорошо прилаженный «костюмчик» благочестия с душ зрителей. Он обнажает их — они смотрятся в него как в зеркало, и каждый видит то, что он видит. Зрители здесь очень важны, не менее, чем сам юродивый. Они превращаются в коллективного персонажа и начинают действовать — от равнодушия не остаётся и следа, чувства и страсти оживают.

Посмотрим, как действуют «зрители» в стихотворении: «вопили и дёргались»; «раболопно» радовались; увидев героя, бросили изучать Евангелие от Луки; кричали «подонок!», «сатана объявился в храме господнем»; били и изгоняли героя, — в общем, вели себя так, как, очевидно, «должны» себя вести люди, только что исповедовавшие любовь к ближнему своему, прощение и другие христианские ценности. Что и следовало доказать: всё благочестие их, доброта и любовь не стоят и медного гроша. Герой провоцирует публику, «задирает» её, как шут, вовлекает её в действие, делает зрителей актёрами, а сам становится режиссёром, своими действиями как бы удваивая фигуру священника, становится зеркалом.

Конечно, поведение юродивого героя двусмысленно, двусмысленно и его обнажение. Нагота всегда двусмысленна, ведь обнажённое тело — это не только символ души (именно так её понимали на Руси), но и соблазн, грех. И в этой двусмысленности — вся соль. Зрелище юродства даёт возможность альтернативного восприятия. Для одних это зрелище — соблазн, для других — спасение. Тот, кто видит в поступках юродивого грешное дурачество, бьёт его (как в стихотворении Черника) или смеётся над ним. Тот, кто усматривает «душеполезность» в этом «странном и чудном» зрелище, пересматривает своё отношение к миру.

Так что обнажение на людях интимных мест может иметь и иную природу, уважаемые читатели. Раньше на Руси феномен юродства не нуждался в пояснении — всё это было в культуре плотью от плоти народной жизни, а теперь вот объяснять приходится.

Реакция на стихотворение, увы, симптоматична и свидетельствует о том, что старый лозунг, метко сформулированный Маяковским — «Сделайте нам красиво!» или остроумно высказанный в известном фильме — «Главное, чтобы костюмчик сидел!», до сих пор в силе и продолжает оставаться главным критерием в оценке произведений искусства, да и вообще — жизни. До подлинной эстетичес-

кой действительности нет никому дела. А ведь это стихотворение — пример эстетической функции в действии!

Часть 2. Полемическая

Двадцать шесть их было, двадцать шесть...

Сергей Есенин

Восемьдесят шесть их было, восемьдесят шесть!.. Тех, кто подписал открытое письмо в редакцию «Амура». Большинство — почтенного возраста, пенсионеры со стажем. Среди подписавших есть люди известные, заслуженные, увенчанные наградами, в том числе особо уважаемые нами участники Великой Отечественной войны. Если судить по письму, все они — читатели нашего альманаха, да ещё и равнодушные. Правда, избирательно равнодушные, видящие прежде всего зло (или то, что им таким кажется), резонирующие именно на пороки — явные или мнимые. За девять лет, что выходит альманах, мы не раз получали отклики от читателей. И всегда — благодарные. Коллективных писем не было, как не было и ругательных. Среди писавших нам прежде фамилии нынешних подписантов не встречались ни разу. Остаётся гадать: то ли предыдущие семь выпусков «Амура» оставляли их равнодушными, то ли вполне устраивали (судить трудно, так как письмо содержит оценку только одного небольшого произведения из сотен нами опубликованных), то ли читатели эти по укоренившемуся с незапамятных времён русскому обычаю до поры до времени терпели. Пока чаша, что называется, не переполнилась... И случилось это как раз на стихотворении Ивана Черника.

И уж тут *восемьдесят шесть* читателей не выдержали, вознегодовали. Каждый сам по себе и все вместе, в едином порыве. «Не могу молчать», мол! Пришла, пришла пора дать по рукам и головам тем, кто плюёт в душу ветеранам! А заодно и всыпать по первое число всяким «разным светилам», кои то ли по недомыслию, то ли по злему умыслу восхищаются кощунственными плевокми... Идеологическая диверсия! Долой голые ягодицы! Отечество в опасности!

Случай Черника, видимо, показался настолько кричащим, настолько чудовищным (в нашем-то высоко-нравственном обществе!), что без ответа оставить сей злобный выпад «Амура» было выше всяких сил.

Воображение услужливо рисует картину: весьма представительная группа клокочущих от негодования читателей собирается где-то то ли в конференц-зале библиотеки, то ли в сквере на скамейках (в квартире вряд ли поместились бы, откуда в нашем царстве-государстве у пенсионеров, даже заслуженных, такой метраж, чтобы собраться всем *восемьдесяти шести* зараз?). Впрочем, полагаем, даже в городских скверах или парках эту неформальную читательскую конференцию, эту собравшуюся вместе почтенную компанию вряд ли кто видел: негодующие читатели наши, судя по подписям, живут в разных населённых пунктах области. Тут тебе и Благовещенск значит, и Белогорск, и Свободный, и Усть-Ивановка. А один возмущённый даже из села Ровное! А ещё один — из Игна-

тьево! То есть, судя по географии недовольства, идея овладения самыми широкими народными массами. Батюшки святы! И ещё смеют разные недоброжелатели (здесь и за рубежом) визжать, что перестала-де Россия-матушка быть самой читающей страной в мире! Дудки! Не дождётеесь! Но пассаран! Если даже нашим скромным изданием целые коллективы зачитываются, в разных городах и весях родного Приамурья обсуждают его страстно, отклики пишут горячие в редакцию, что тогда говорить о литературе, о журналах общероссийского значения?!

Впрочем, не будем придирааться к деталям. Ну, собрались и собрались. В какой земле – угадывай... В некотором царстве, в некотором государстве... Сошлись – и заспорили. И предмет спора обычный, чисто российский: «кто виноват?», «что делать?» Впрочем, с виноватыми и без всякого обсуждения было понятно, а потому, не мешкая, постановили наши возмущённые читатели: писать, писать письмо! Не мешкая. Нет, не турецкому султану. И не на деревню дедушке... В редакцию альманаха «Амур». Так, мол, и так, неуважаемые «светила». Всенепременно «требуем» расшифровать напечатанный у вас «бред сивой кобылы»!

Ну, хорошо: раз требуете объяснений от редакции, то хотя бы приличия ради дождитесь ответа. А вдруг он вас вполне удовлетворит? Или, предположим, рассказав впавших в грех авторов и редакторов будет столь глубоким и пронзительным, что даже ваши наполненные благородным негодованием сердца оттают, помягчают?

Нет и ещё раз нет! Объяснений и даже покаяний авторам письма явно было недостаточно. И ответное милосердие в их расчёт тоже не входило. Потому как в тот же день, не дожидаясь расшифровки «кода к пониманию» (и дался же он им, прости Господи: судя по письму, довёл их разум возмущённый почти до кипения), направили копии своего разоблачительного послания в разные высокие инстанции: и губернатору в первую голову (а как же – пусть знает, отец родимый, какие безобразия творятся во вверенном ему славном крае!), и министру (чтоб тоже не дремал, служивый, когда тут под боком такое!), и ректору университета (а ему, чтоб подумал, голубчик, об оргвыводах), и ещё для верности в общероссийские газеты (пусть тоже бьют в колокола: враг прокрался в наш общий дом!)...

Ну зачем, спрашивается, частному случаю придавать если и не вселенский, то чуть ли не национальный масштаб? Неужели дело зашло так далеко? Неужто авторы и редакторы альманаха «Амур» настолько закостенели в своём злопыхательстве и жлобстве, что иначе с ними, волками, нельзя?..

Смысл и пафос письма *восьмидесяти шести* прочитывается совершенно ясно, «однозначно», как выразился бы один небезызвестный российский политик: составляли его не для того, чтобы в чём-то разобраться: никакая «расшифровка» никакого «кода» составителям письма не нужна была в принципе. И даже не ради того писали, чтобы поставить, заострить действительно актуальную, действительно животрепещущую проблему, не для того, чтобы включить широкую читательскую общественность, писателей, критиков, литературоведов в её заинтересованное и компетентное обсуждение, в диалог, цель которого –

поиск решения, нахождение общественного согласия в жизненно важном вопросе. Но диалог не строят на унижении оппонентов, на наклеивании оскорбительных ярлыков, на раздувании истерии, на доносительстве, наконец. Весь этот приснопамятный арсенал применяется обычно против «чужих», против «врагов», против тех, кого надо не «убедить», а «победить» – то есть унижить, дискредитировать в глазах окружающих, морально уничтожить.

Для чего составителям письма нужна была апелляция к власти, как раньше фигурально выражались – «к городскому»? Похоже, для того, чтобы раздуть громкий общественный скандал, до всякой дискуссии сформировать у «начальства» отталкивающий образ злокозненных «учителей будущих учителей», вывести этих *растлителей невинных читательских душ* на чистую воду. Что ж, спасибо и на том, что в прокуратуру и НКВД не послали копии доносительного по сути и форме оригинала.

Уже понятно, что не было в реальности собрания негодующих читателей «Амура», как не было никакого широкого коллективного обсуждения стихотворения И. Черника и редакционного комментария к нему. Да и слышали ли до момента подписания «открытого письма» большинство из *восьмидесяти шести* о существовании нашего вузовского издания? Конечно, лестно было бы услышать, что да, конечно, все знали, все читали. Мы, однако, не склонны желаемое выдавать за действительное.

Из источников, заслуживающих доверия, до редакции дошла информация (впрочем, и без этой информации всё было очевидно), что письмо инициировала, составила и разослала по инстанциям небольшая группа активных товарищей. Тех, кто действительно читает альманах (почему – об этом чуть ниже). А заслуженные люди по большей части были привлечены для «массовости» и «весомости». Попробуйте, мол, проигнорируйте праведный гнев ветеранов! Да ещё в год празднования юбилейного, святого для всех нас Дня Победы! Сподвигнуть же уважаемых людей, ветеранов войны и труда, на подписание подобных писем несложно, ибо накалены они нешуточно даже без всякого «Человека в потёртой джинсе». И немудрено: некоторые средства массовой информации, телевидение, разного рода бульварные издания изо дня в день, из года в год упражняются в дискредитации того, чем наполнена была жизнь нескольких поколений наших соотечественников, принижают или вовсе перечёркивают достижения советской эпохи, походя смеются над прежними идеалами (чего, кстати, никогда не было в нашем альманахе, как бы ни пытались это нам приписать составители послания).

Так кто же они – эти неназванные пока инициативные товарищи? – спросите вы. И подумаете про себя: наверняка они среди тех, кто поставил свои подписи первыми! Нет? Тогда, быть может, хотя бы в первую десятку вошли? Тоже нет? Ну, по крайней мере, во вторую? В третью, наконец?..

Ничего подобного! Они, закопёрщики «открытого письма» то есть, граждански оказались не очень мужественными людьми. Нет, не про таких писал советский поэт Николай Тихонов: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей». Из *таких* крепких

гвоздей не сделаешь – согнутся без всякого молотка, из укоренившейся привычки к гибкости. И зачем лезть на рожон? Проще раззадорить, науськать уважаемых ветеранов и укрыться за их надёжными спинами, за их заслуженными наградами и званиями. Тем ведь не привыкать быть первыми и в труде, и в бою! Им ведь не придёт в голову прятаться за чужие спины, загребать жар чужими руками!

Смелости у закопёрщиков, увы, хватило лишь на то, чтобы поставить свои фамилии во второй части длинного (на пяти страницах!) списка. При этом, очевидно по вящей скромности, сии граждански «невероятно мужественные» борцы за нравственное здоровье нации забыли указать, что являются членами Союза писателей России, то есть профессиональными литераторами, способными и без всяких там «светил» расшифровать пресловутый «код к пониманию». А ведь во всех иных ситуациях они отнюдь не страдают забывчивостью, к месту, а порой и не к месту, гордо подписываясь: *член! Союза!! писателей!!!* А тут вдруг: «директор коммер.», «координатор общ. орг.»... Как будто в письме речь не о литературе, а о чём-то ином: то ли о товарно-денежных отношениях, то ли о политике. Господи, да где же ещё заявлять открыто и гордо свою принципиальную позицию членам Союза писателей, если не в составленном ими же открытом письме в редакцию литературного альманаха? Но они предпочли действовать исподтишка, прикрывшись в качестве живого щита благородными ветеранскими сединами и честно заработанными наградами уважаемых людей. Да ещё и не постеснялись присовокупить к прозаической части своего письма сочинённую ими же бездарную стихотворную непристойность. Такие вот «инженеры человеческих душ» нынче пошли...

В чём же истинная причина «скромности» наших закопёрщиков, их очевидного стремления остаться незамеченными, затеряться среди массы подписантов (среди *восемьдесят шести* это гораздо легче, чем, скажем, среди *двадцати шести* или, тем паче, *шести*)? Попытаемся разобраться.

В финале своего гневного послания они желают автору и редакции альманаха «*большой требовательности к смыслу того, что они пытаются поведать читателям*». Но одно дело, когда к «требовательности» призывают люди, не имеющие отношения к сфере художественного слова, что называется, простые читатели. И совершенно иной расклад выходит, когда одни литераторы берутся поучать других. Чувствуете разницу? Ведь критикуемая сторона в таком разе тоже может задать встречный вопрос: а у вас самих, дорогие коллеги, с этой самой «большой требовательностью» как дело обстоит? Всё благополучно? Тогда скажите, милостивые государи, а вот «директор коммер.» С.С. Сонин (скромный подписант № 46), «координатор общ. орг.» Г.М. Тарасова (ещё более скромный № 51) и «пенсионер» С.И. Кадомцев (№ 48) – уж не те ли это самые персоны, о которых альманах «Амур» отзывался в том же 8-м номере, где напечатано вызвавшее переполох стихотворение И. Черника? Какое совпадение, господа, не правда ли? Ну, конечно, случайность, чистая случайность. Просто звёзды так сошлись...

Ну хорошо, сошлись так сошлись. А всё же, чем вы, безгрешные наши «мастера культуры», поучающие молодого автора и его редакторов, привлекли в тот раз внимание альманаха? Напомните, пожалуйста! Не дождётесь, не напомнят – опять же исключительно по *скромности* или *забывчивости*. Придётся нам самим.

Итак, два года назад по просьбе читателей ввели мы в свой альманах рубрику «Книжная лавка» – обзор книжных новинок Приамурья. До этого местные художественные издания практически не рецензировались, не получали профессиональной оценки. Результат – резкое снижение всё той же самой «требовательности» авторов и их издателей и к смыслу, и к форме собственных «творений», неуважительное отношение к читателям, вторжение на страницы книг ненормативной лексики, пошлости, грубости, цинизма, безграмотности, безвкусицы, откровенной халтуры. И вот «Книжная лавка» взяла на себя, опять же по просьбе наших читателей, миссию (как оказалось, небезопасную) давать квалифицированную оценку появляющейся литературной «продукции», в том числе диагностировать, что на витрины книжных магазинов попадает порой несвежий «товар», «осетрина с душком».

Среди прочих новинок в прошлом выпуске «Амура» рецензировалась и книжка (вторая в его творческой судьбе) одного из подписантов – «пенсионера» из Белогорска: **Кадомцев С. Танцы на морозе: Стихи. – Белогорск: Изд-во ООО «Белогорский Союз писателей», 2008. – 120 с.** И вот какой малоприятный вердикт вынес наш рецензент – не голословно, а приводя выразительные примеры: «*стилистическая безвкусица*», «*нечувствительность к слову*», «*лексическая и смысловая эклектика*», «*элементарная художественная неразборчивость*», «*широкое использование ненормативной лексики и фразеологии*». Так вот кто, оказывается, ныне призывает нас к повышению «требовательности»!

Знали бы вы, дорогие участники Великой Отечественной, заслуженные ветераны фронта и тыла, другие достойные, уважаемые граждане, каким «высочайшим» идейным и духовно-нравственным багажом обладают те, кто составил письмо и попросил вас поддержать бескомпромиссную борьбу с безнравственностью, обнаруженной почему-то именно в нашем альманахе! А всё-таки интересно: если бы вы были знакомы с их собственными «шедеврами», захотели бы ещё раз оказаться в одной компании? В «Книжную лавку» из деликатности, из гуманных соображений (чтобы не травмировать читателей) мы не стали включать многие «перлы» того же С. Кадомцева. А сейчас это уместно, раз Кадомцев и компания призывают нас к ответу.

Что ж, наслаждайтесь, господа критики альманаха и их сторонники! Сейчас подписанты-литераторы, у которых с «требовательностью» всё в порядке, приведут вас в полный эстетический восторг! Вот что, например, на стр. 23-24 пишет о своих жизненных идеалах и сокровенных мечтах подписант № 48 (все цитаты приводим без редакторской правки, претензии не к нам, а к тем, кто обладает обострённой «требовательностью»):

Так куда же и чего там
Я скачу опор во весь,
И чего же мне охота,
Нужно мне что ни на есть?..

Было б всё в порядке в смыслах
В самом деле. Не на вид.
То, что надо, то повисло,
А что надо, то стоит.

Немудрены скинуть шмотки,
Чиста поля посередь,
Трахнуть ба.., да скажем водки,
И красиво помереть.

Хотите ещё? Пожалуйста, примеры можно множить до бесконечности: «Среди травки бросишь тело, / И лежишь ты – суцеглуп, / Коль на пуп твой муха села, / Значит тут – Вселенной пуп!» (с. 69). Ещё? «Мне осталось жить больше ли, меньше ли... / Но стыдоба из всех стыдоб: / Я ухаживаю за женщинами, / До сих пор, что бы с ними – что б...» (с. 115). «Скажешь соседу: жена его шлюха, / Дурню, по дружбе, откроешь глаза, / В лучшем раскладе – получишь по уху, / Должен, ведь вроде спасибо сказать!..» (с. 55). Советский классик М. Горький утверждал, что мерилом цивилизации является отношение к женщине. Так вот, разделяя подобный критерий, после многих вирш автора «Танцев на морозе» хочется сделать то же самое, что сделал упомянутый сосед – отвесить хорошую оплеуху. Ибо «лирический герой» ведёт себя по отношению к женщине предельно цинично и грубо, порой по-скотски. Типичный образец – на стр. 66-67:

Сравненья здесь, поймите неуместны.
Мадам, не трите Вы пожалуйста висок,
Я Вас назвать коровой, если честно,
Увы, пардон, конечно же не смог.

Корова же умней хоть тех дельфинов,
Вам не начислит никогда вины;
Вот вас, представьте, промеж рог графином,
А ей, представьте, будет хоть бы хны.

Маши вам хоть копытом, хоть рукою –
Вас тянет не в поля, а в Интернет.
Корова за прокорм даст молоко нам,
А с вас-то и за деньги толку нет!

Вы не мычите, а не телитесь подавно,
А вот бы вам да каждый год рожать!
Она к тому же да и доится исправно,
А кто за это смог её поцеловать?..

Да ежли б копытя напедикоря,
Моя Февралька бы – да на ногу нога,
Да я тотчас бы этой наглой дуре
На месте пообламывал рога.

Когда ж захочется вам, напуская чары,
Кокетливо прищурить томный глаз,
А вас, представьте, вдоль хребта бичарой!
Представили? И так вот каждый раз...

Когда ж сводиться будет дебит-кредит,
В чью пользу будет сальдо, хоть на треть?
И кто из вас корова, а кто леди –
Вот это уж мы будем посмотреть!

Ещё один небезынтересный факт: в «Книжной лавке» был высказан мягкий упрёк и автору предисловия к книге С. Кадомцева: его оценка творчества белогорского пиита была названа «чрезмерно завышенной». Судите сами, вот что он, автор предисловия, пишет о поэте, которого мы только что цитировали: «В свет вышла не просто книга, какую можно напечатать любому пишущему человеку, а вышла в свет книга, напечатанная талантливым, умным, пронизательным человеком. Стихи Сергея Кадомцева и лиричны, и деспотичны к нашей современности; одновременно грубовато и тонко показывая нашу действительность, философствуя по поводу её изменения или упразднения вообще. И всё это делается красиво и логично, и в мозгах читателей создаётся объёмный образ взаимодействия явлений и вещей окружающего мира. И, как ни странно, становится понятен смысл бытия».

Тут почти каждая фраза – перл, но не станем сейчас разбирать «несовершенство» (выразимся предельно деликатно) грамматических конструкций. А что вы хотите? Каковы стихи, таково и предисловие. Тем более что написано предисловие не «светилами», не профессионалами, а неким «директором коммер.»... Ой, простите, совсем зарпортовались... Ошибочка вышла! Приносим извинения. Перед нами – подлинный профессионал, мастер художественного слова! И подписывается на этот раз без всякой ложной скромности: «Сергей Сонин, член Союза писателей России»!!! А как же тогда насчёт «большей требовательности», Сергей Сергеевич? А? К «своим» не принято её относить? Хороший принцип, нечего сказать! Даже если Вам любо подобное мировосприятие, подобное отношение к женщине, подобные жизненные ценности опекаемого «талантливого» автора, то хотя бы указали своему менее маститому коллеге на грубые ошибки, которым в книге несть числа. Не обратили внимания, например, что на стр. 81 пишет приводящий Вас в восторг «умный» человек? Цитируем дословно:

Без зуботык пианино не пело б...

Без топора сад вишнёвый не сад...

Мацарт, ну что без Сальери бы делал...

Кем Дездемона была б без Отелло...

Что Катерина нам без колеса...

Даже если не обращать внимания на какую-то болезненно-изломанную, вывернутую логику автора стихотворения, можно было бы напомнить ему, что Моцарт пишется через «о», а не «а». Или, вместо слёз умиления, сказали б ему, Сергей Сергеевич, что иногда по-

лезно перечитывать классику, ибо стыдно русскому поэту не знать, что роковое паровозное колесо имеет отношение к толстовской Анне Карениной, а не к Катерине из «Грозы» Островского. Та ведь, помните, с обрыва бросилась в Волгу. Или тоже запамятовали, а потому и не поправили коллегу по «Белогорскому Союзу писателей»? Кстати, кто придумал такое амбициозно-претенциозное название? Не Вы, случаем? И почему бы тогда не учредить в Вашем богатом талантами городе свою «Белогорскую Нобелевскую премию»? Кстати, и кандидатура достойная уже есть (судя по Вашему восторженному предисловию) – поэт С. Кадомцев. А он, глядишь, в благодарность за это обессмертит Вас в своих виршах. Хотя, пардон, опоздали: имя Ваше, Сергей Сергеевич, поэт Кадомцев уже «отлил в граните». В стихотворении «В «Звёздном дожде»» (с. 46):

Да! Есть заведение такое.
Где вирши бывало читал.
Где Сонин мне щедрой рукою
Бокал коньяка наливал...

В следующий раз, Сергей Сергеевич, не наливайте ему, Бога ради, а то он ещё не так Вас «прославит». Да, ещё сказали бы ему по-свойски (только не в «Звёздном дожде», пожалуйста, не после бокала...), что некоторые его строчки, например: «Льётся дивных прозрений свет» (с. 46); «Коль родился я стилистом, / То целуюсь, как стилист!» (с. 75) – украдены у Есенина; что хотя он, Кадомцев, «стилист», безусловно, непревзойдённый, но нельзя же так откровенно... Впрочем, можете и не говорить, любимый Ваш поэт в минуты просветлений и сам всё понимает: «Карябай бумагу хоть тысячу лет, / Да хоть изрычись, хоть изблейся, / Талант – он, как деньги, он есть или нет, / На большее не надейся» (с. 16).

Умри, Денис, лучше не скажешь! «Изблейся»... Великий, великий стилист!.. Подумайте, подумайте, Сергей Сергеевич, про «Белогорскую Нобелевскую»!

Впрочем, если прислушаетесь к совету насчёт собственной Нобелевки, у С. Кадомцева будет немало «равновеликих» конкурентов. И в «Белогорском Союзе писателей», и не только в нём. Можете, например, присмотреться к творчеству подписанта № 51. И столь же строга к «Амуру», и вместе с Вами состоит в Союзе писателей России, и автор двенадцати (!) книг прозы! Конечно, две книжищи Вашего любимца С. Кадомцева могут перевесить эти двенадцать, но тоже достойный, достойный кандидат! Всё в той же «Книжной лавке» («Амур». № 8) и о ней доброе слово молвлено – в рецензии на книгу: **Тарасова Г.М. Мур, Самурай и другие: Рассказы о кошках. – Благовещенск, 2008. – 72 с.** Наш рецензент обращает там внимание на одну специфическую особенность – на обилие «натуралистических деталей», на какой-то обострённый интерес автора книжки для детей «к изображению физиологических подробностей». Четвероногие герои то из мести «мочатся» на платье хозяйки, «пуская между задних ног тоненькую струйку фонтанчиком назад», то ходят «перемазанные калом», ибо не могут «донести до туалета содержимое кишечника».

А чего скрывать от маленьких читателей «прозу жизни»? Пусть привыкают к «реализму».

Да и взрослым читателям тоже нечего носы-то воротить. Смотрите, смотрите, не отворачивайтесь! Совсем недавно вышел очередной, приуроченный к юбилейному Дню Победы, выпуск альманаха «Приамурье-2010», в котором под названием «Тыловые будни» опубликованы главы из книги (тринадцатой?!) Г. Тарасовой «Жизнь как мозаика». И хотя герои здесь уже не кошки, сам принцип изображения, да и язык, стиль остаются прежними. Судите сами: «У него (отца) обнаружился большие проблемы с желудочно-кишечным трактом. Болело всё: желудок, поджелудочная железа, печень, жёлчный пузырь, кишечник... Изнурительные поносы перемежались с запорами, тошнотой и рвотой»; «У Татьяны, Зои и младшей Ульянки врачи нашли авитаминоз и пороки сердца, у отца желудочно-кишечный тракт постоянно давал сбой...» (с. 89-90).

Даже гениальный прозаик Чехов, врач по профессии, зашёл бы от чёрной зависти, прочитай он «Тыловые будни». Величайший был стилист (Кадомцев, чур, не в счёт!), но теперь превзойдён, ох, превзойдён. Найдите, попробуйте, чтобы у героев его произведений «обнаружился большие проблемы с желудочно-кишечным трактом», «желудочно-кишечный тракт постоянно давал сбой»... Вот как надо было писать, дорогой Антон Павлович! Тогда бы, глядишь, Нобелевская премия могла светить вам. «Белогорская Нобелевская»!

Готовя ответ на «открытое письмо», Сергей Сергеевич, мы и Ваши многочисленные поэтические сборники полистали. Чтобы на практике узнать, увидеть, что стоит за требованием «большей ответственности» автора перед читателями. И тоже немало интересного там обнаружили. Так что, в случае чего (ежели поддержите нашу инициативу о «Белогорской Нобелевской»), можем выдвинуть в качестве достойного соискателя и Вашу кандидатуру. С подробным обоснованием и примерами. Как прикажете: «общепринятым разговорным русским языком» или «мудрёными словами», «с прикрытием фигурными листочками научных терминов»?

И последнее. Признавая за нашими читателями безусловное право на разные мнения, в том числе критические, на непонимание или даже полное неприятие тех или иных напечатанных в альманахе материалов, мы не можем принять чьих бы то ни было претензий на обладание истиной в последней инстанции. Мы за диалог, но уважительный, за обсуждение самых острых вопросов, но без высокомерия, без унижений и оскорблений, без ярлыков, без доносительства и других нечисто-плотных приёмов. Для такого диалога мы открыты: с удовольствием напечатает в нашем альманахе дискуссионные, полемические письма и статьи на самые острые темы, но пасквиль (так называемое «открытое письмо») напечатать в первый и последний раз.

Честь имеем, редакторы альманаха «Амур»

Александр Урманов, Светлана Красовская